

Лебедев Д. А., свящ. Речь перед защитой магистерской диссертации: «Из истории древних пасхальных циклов: I. 19-летний цикл Анатолия Лаодикийского. СПб., 1912» // Богословский вестник 1916. Т. 1. № 1. С. 36–47 (2-я пагин.).

Р Ѣ Ч Ь

предъ защитой магистерской диссертациі „Изъ исторіи древнихъ пасхальныхъ цикловъ. I. 19-лѣтній циклъ Анатолія лаодикійскаго. С.-Петербургъ 1912“.

Ислѣдованіе, предлагаемое на ваше обсужденіе, относится къ такой научной области, которая большинству даже и образованныхъ людей представляется и трудной и совсѣмъ непривлекательной. Самое заглавіе моей книги многимъ покажется просто непонятнымъ. Какіе-то „древніе пасхальные циклы“, какой-то почти никому невѣдомый Анатолій лаодикійскій! Считаю, поэтому, не лишнимъ выяснитъ тѣ мотивы, какъ личнаго, такъ и чисто научнаго свойства, которые побудили меня остановиться на такой неинтересной темѣ.

Неинтересное для многихъ часто оказывается какъ разъ самымъ интереснымъ для отдѣльныхъ личностей. Если на иныя головы цифра производитъ прямо угнетающее дѣйствіе, то другіе наоборотъ имѣютъ особую склонность ко всякимъ вычисленіямъ. Я изъ тѣхъ учениковъ семинаріи, которые наибольшіе успѣхи оказываютъ въ математикѣ. Съ пасхалией, какъ искусствомъ высчитывать день пасхи, я имѣлъ возможность познакомиться по старинному руководству Тяжелова, кажется, еще до поступленія въ духовное училище. Къ 3-му классу семинаріи я успѣлъ отчасти позабыть эту премудрость. Но постигнуть ее вновъ было нетрудно: и я тогда уже могъ понять, что правила для вычисленія пасхи, предлагаемая нашимъ преподавателемъ (не признававшимъ учебниковъ) не совсѣмъ вѣрны (по нимъ, напр., для настоящаго 1915 года пасха получилась бы не 22, а 29

марта), и нашелъ самъ очень простой способъ составить полную пасхальную таблицу на 532 года. Но, конечно, этимъ дѣло и ограничилось. Программа нашихъ семинарій не благопріятствовала развитію математическихъ наклонностей. При томъ же, имѣя въ рукахъ только руководство къ пасхалии Ильяшева, невозможно было и увидѣть въ пасхалии что-либо иное, какъ только простое искусство находить день пасхи. О связанныхъ съ пасхаліей научно-историческихъ вопросахъ, руководство это, написанное лицомъ, не подозрѣвавшимъ и существованія какихъ-либо другихъ календарей, кромѣ юліанскаго и грегорианскаго, не даетъ никакого понятія.

Вновь заинтересовался я пасхаліей, теперь уже въ связи съ древними календарями, въ 1893 году, подъ вліяніемъ статей—профессора В. В. Болотова: „Михайловъ день“ и „День и годъ мученической кончины св. евангелиста Марка“. Эти замѣчательныя работы незабвеннаго историка убѣдили меня воочію, какъ необходимо для историка, не пренебрегающаго и хронологическими вопросами, знакомство съ древними календарями, какъ просто разъясняются многія странности, совершенно непостижимыя съ точки зрѣнія юліанскаго календаря, если привлечь къ дѣлу календарь александрійскій, египетскій или асіійскій. На основаніи отдѣльныхъ датъ у В. В. Болотова я уже тогда научился считать по александрійски, по-египетски, по-асіійски и по-армянски, узналъ и о существованіи разныхъ древнихъ пасхалій, отличныхъ отъ принятой у насъ александрійской пасхалии. Работы В. В. Болотова, начиная съ его „Ученія Оригена о Св. Троицѣ“, прочитаннаго мною еще въ семинаріи, производили на меня неотразимое впечатлѣніе, и желаніе имѣть у себя его книги, а также нѣкоторыя вѣрно указанныя мною ошибки въ его статьяхъ, привели меня къ перепискѣ съ нимъ, которая продолжалась около двухъ лѣтъ, съ марта 1893 и по конецъ 1894 года. Заинтересовавшись снова пасхаліей, досталъ я опять старую книжку Тяжелова (своего Ильяшева у меня не было) и въ одномъ изъ писемъ къ В. В. Болотову высказалъ одну гипотезу относительно значенія „епактъ“ нашихъ славянскихъ пасхальныхъ таблицъ—гипотезу, какъ теперь вижу, совершенно несостоятельную. Въ отвѣтъ на это В. В. Болотовъ писалъ мнѣ: „Въ толкованіи Тяжелова

ни тѣни правды. Вообще пасхалія у насъ не въ авантажѣ обрѣтается: вздору печатають въ пасхаліяхъ въ достаточной степени. Въ программѣ моихъ затѣй—въ отдаленномъ концѣ ихъ—стоитъ и „Православная пасхалія на историческихъ основаніяхъ“. На „историческихъ“. Потому что *математическая* сторона и въ учебникахъ и въ таблицахъ исчерпана, а въ формулѣ Гаусса—доведена до послѣдняго упрощенія. — — — Предполагаю учебникъ изданный Коммиссією духовныхъ училищъ въ 1838 (?) г. и разныхъ Лалошей и Яковкиныхъ, подвергнуть строгому экзамену, поставить имъ за ихъ мудрованіе баллъ не выше 1, и сказать, какъ дѣло стоитъ въ дѣйствительности съ элементами пасхалии, и изложить нѣкоторыя—существовашія—методы вычисленія пасхи“.

Такимъ образомъ, я уже съ 1894 года зналъ, что вопросами пасхалии можно интересоваться и съ научно-исторической стороны, но, разумѣется, не могъ и предполагать, что мнѣ самому когда-либо придется что-либо сдѣлать въ этой области. Вѣдь еслибы В. В. Болотовъ осуществилъ свою „затѣю“, то осуществилъ бы ее такъ, что послѣ него другимъ ученымъ было бы совсѣмъ нечего дѣлать. Тѣмъ не менѣе, поступивъ въ томъ же 1894 году въ Академію и научившись читать по-нѣмецки (и по-французски), я приобрѣлъ—въ 1895 году—нѣкоторыя книжки по хронологіи и астрономіи и прочиталъ знаменитое „Руководство математической и технической хронологіи“ Иделера. Но никакихъ новыхъ научныхъ выводовъ я тогда не сдѣлалъ.

„Затѣя“ В. В. Болотова не суждено было осуществиться. Только очень небольшое (хотя и важное) вошло въ его докладъ, читанный 31 мая 1899 года въ засѣданіи Коммисіи Русскаго Астрономическаго Общества о реформѣ календаря. Но и этотъ докладъ сдѣлался мнѣ извѣстенъ только въ январѣ 1901 года. А въ письмахъ В. В. Болотовъ не имѣлъ обычая сообщать свои новые научные выводы, и я такъ и не узналъ, что означаютъ русскія (мнимыя) снакты, пока самъ—уже въ 1900 году—не догадался объ этомъ. Случайное обстоятельство привело меня въ началѣ 1900 года къ возобновленію занятій по хронологіи, на этотъ разъ уже вполне самостоятельныхъ, съ новыми выводами.

Въ 1899 году, незадолго предъ началомъ новаго столѣтія, шли толки о реформѣ календаря, и засѣдала по этому во-

просу Комиссіи при Русскомъ Астрономическомъ Обществѣ. Я зналъ объ этомъ изъ газетъ: но составъ Комиссіи мнѣ не былъ извѣстенъ, и я только въ мартѣ 1900 года узналъ, что представителемъ Св. Синода въ ней былъ В. В. Болотовъ. Но въ самомъ концѣ 1899 года одинъ изъ моихъ товарищей по Академіи, теперь уже умершій, помнившій о моихъ занятіяхъ „техникой лѣтосчисленія“, запросилъ меня, какого взгляда я держусь на предполагавшуюся тогда реформу. Запросъ этотъ заинтересовалъ меня, и я рѣшилъ отвѣтить на него серьезно. Свѣдѣнія о грегорианскомъ календарѣ и его—крайне запутанной—пасхалии, довольно подробныя, хотя и не вполне точныя, давали имѣвшіеся у меня астрономическіе лексиконы, а вообще для хронологіи оставались „Историческія изслѣдованія объ астрономическихъ наблюденіяхъ древнихъ“ Иделера и „Времечисленіе грековъ и римлянъ“ выдающагося хронолога 2-й половины XIX вѣка Г. Ф. Унгера. Были у меня и пасхальныя посланія Аѳанасія в. съ ихъ высоковажными и для хронологіи IV вѣка и для пасхалии *κεφάλαια*,—въ нѣмецкомъ переводѣ Марсова. При этой работѣ надъ грегорианскимъ календаремъ я и столкнулся съ вопросомъ о значеніи „основаній“ и „епактъ“ нашихъ славянскихъ пасхальныхъ таблицъ и—неожиданно для себя—рѣшилъ вопросъ о значеніи, какъ александрійскихъ епактъ, стоящихъ въ *κεφάλαια* и принятыхъ, начиная съ Діонисія малаго и Беды, на западѣ, такъ и нашихъ русскихъ псевдо-епактъ, а также—какъ думалъ я—и нашихъ „основаній“. О своихъ выводахъ я не успѣлъ извѣстить В. В. Болотова. Я только что успѣлъ приобрести нѣкоторыя новыя книжки по хронологіи, какъ пришло извѣстіе о его болѣзни, а потомъ и о преждевременной кончинѣ. Другихъ лицъ, компетентныхъ въ вопросахъ хронологіи я не зналъ, и такимъ образомъ мнѣ пришлось работать на свой страхъ, безъ всякой поддержки. Тѣмъ не менѣе я имѣлъ возможность еще въ концѣ того же 1900 года проверить правильность по крайней мѣрѣ одного изъ своихъ выводовъ. Я нашелъ прямое свидѣтельство въ пользу моей гипотезы о значеніи александрійскихъ епактъ у св. Максима исповѣдника, а въ январѣ 1901 года узналъ, что въ томъ же смыслѣ понималъ ихъ и В. В. Болотовъ. Работы по хронологіи представляли для меня то удобство, что для нихъ

не требовалось особенно большого количества книгъ. Съ одними, напр., таблицами для вычисленія лунныхъ сизигій Оппольцера и Леманна можно работать сколько угодно, и выводы получаются не всегда безынтересные. Въ результатѣ моихъ занятій по исторіи пасхалии и явилось сочиненіе, представленное мною на степень кандидата, подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи православной пасхалии „Основаніе“ и „эпакта““. Мое кандидатское сочиненіе вышло бы однако совсѣмъ маленькимъ, еслибы не догадался я, осенью 1900 г., приобрести капитальный III-томный трудъ *Пето* (D. Petavius), *De doctrina temporum*. Въ III томѣ этого труда, въ такъ называемомъ *Uranologium*, напечатаны *Εἰσαγωγή εἰς τὰ φυσόμενα* (нѣчто въ родѣ учебника астрономіи) Гемина и большая часть сохранившихся греческихъ пасхалистическихъ сочиненій, изъ которыхъ особенно важны труды св. Максима исповѣдника и византійскаго монаха-астронома конца XIV вѣка Исаака Аргира. Я могъ поэтому работать надъ вопросами по исторіи пасхалии по первоисточникамъ. Но и самъ Пето, хотя жилъ онъ и въ XVII вѣкѣ, и теперь его труды, конечно, во многомъ и устарѣли, представляя собою совершенно исключительную величину, какъ хронологъ. Въ моихъ глазахъ онъ стоитъ выше даже самого Иделера, и только Унгеръ равняется ему, какъ собственно хронологъ-историкъ. Но и Унгеръ стоитъ ниже Пето въ томъ отношеніи, что онъ только хронологъ, тогда какъ Пето былъ вмѣстѣ и астрономъ. Мое кандидатское сочиненіе вышло очень большое (894 страницы рукописи), хотя я при перепискѣ опустилъ въ немъ нѣкоторыя очень большія примѣчанія (напр. о пасхальныхъ спорахъ у новатіанъ, о Викторіи аквитанскомъ, и о грегорианскомъ календарѣ) и всѣ приложенія. Какъ 1-е изъ приложеній предполагалась замѣтка: „19-лѣтній циклъ Анатолія лаодикійскаго“. Основа этой работы: критика попытки Дюшена показать, что Анатолій за день весенняго равноденствія принималъ не 19-е, а 21-е марта, и затѣмъ самый опытъ реконструкціи его цикла, были у меня записаны еще до представленія кандидатскаго сочиненія.

Съ чисто научной точки зрѣнія появленіе спеціальнаго изслѣдованія о 19-лѣтнемъ циклѣ Анатолія лаодикійскаго, едвали нуждается въ оправданіи. Исторія древне-христіанскихъ пасхальныхъ цикловъ и даже самой—принятой у

насъ до сихъ поръ—александрійской пасхалии представляеть собою область, очень мало разработанную въ наукѣ. Это и понятно. Это—такая научная отрасль, гдѣ исторія церкви соприкасается съ астрономіей, и работы въ ней требуютъ такихъ познаній, совмѣшеніе которыхъ трудно ожидать въ одной головѣ. Обычно историки церкви, даже самые выдающіеся, обладаютъ только самыми элементарными свѣдѣніями въ астрономіи и технической хронологіи, и наоборотъ хронологи (и изъ астрономовъ и изъ филологовъ) мало свѣдущи въ исторіи церкви. Поэтому и у Гарнака и у Цана и у Дюшена и у другихъ корифеевъ исторіи древней церкви и патрологіи не рѣдкость встрѣтить очень грубые промахи въ отношеніи къ вопросамъ технической хронологіи, и наоборотъ даже у самыхъ выдающихся хронологовъ встрѣчаются ошибки церковно-историческаго характера. Неудивительно поэтому, что весь XIX-й вѣкъ выставилъ—на западѣ, кажется, только *двухъ* дѣйствительно компетентныхъ хронологовъ - пасхалистовъ: Пипера и Круша. Вышедшее въ 1880 году изслѣдованіе Круша: „84-лѣтній пасхальный циклъ и его источники“ относится собственно только къ западной пасхалии, и тѣмъ не менѣе въ теченіе цѣлой четверти вѣка оставалось послѣднимъ словомъ науки въ данной области. Высказанныя Крушемъ гипотезы, не исключая и довольно рискованныхъ, почти всѣми принимались на вѣру, безъ всякой критики. И только въ 1905 году Эдуардъ Шварцъ въ изслѣдованіи: „Христіанскія и іудейскія пасхальныя таблицы“ сдѣлалъ первую серьезную попытку критики взглядовъ Круша (не вездѣ впрочемъ основательной критики) и привлекъ къ дѣлу и восточныя пасхалии. Но и его работа нуждается въ критическомъ къ себѣ отношеніи.

Что касается въ частности Анатолія лаодикійскаго, то я не знаю, что написано о циклѣ Анатолія у знаменитаго голландскаго пасхалиста ванъ-деръ-Хагена въ сочиненіи: *De cyclis paschalibus*. Этой книги я никогда не видѣлъ и сомнѣваюсь, имѣется ли хотя одинъ экземпляръ ея въ Россіи. Только со словъ Иделера я знаю, что Хагенъ пытался возстановить циклъ Анатолія, но—какимъ образомъ—мнѣ это неизвѣстно. За весь 19-й вѣкъ—насколько знаю—не появилось въ печати ни одного опыта реконструкціи цикла Анатолія. И обычно ученые, которымъ приходится вести рѣчи

объ этомъ циклѣ, прямо заявляютъ, что свѣдѣній, сохранившихся въ отрывкѣ изъ Анатолія, приводимомъ Евсевіемъ, не достаточно для реконструкціи цикла Анатолія. Только въ 1905 году Э. Швартцъ сдѣлалъ попытку возстановить этотъ циклъ, но его реконструкція, по моему мнѣнію, неправильна, да и узналъ я о ней, когда моя собственная гипотеза была уже давнымъ давно записана. Другую попытку возстановить циклъ Анатолія дѣлалъ В. В. Болотовъ на клочкѣ бумаги, вложенномъ въ книгу Дюлорье объ армянской хронологіи. Но этотъ клочекъ бумаги попалъ въ мои руки, когда моя статья съ ея приложениями уже заканчивалась печатаніемъ. А главное: и съ реконструкціей В. В. Болотова я не вполне согласенъ и долженъ былъ писать о ней особую замѣтку.

Правильнень, или неправильнень мой опытъ реконструкціи цикла Анатолія, но онъ предлагается мною независимо отъ моихъ предшественниковъ. Въ вопросѣ о годѣ, съ котораго Анатолій началъ свою пасхальную таблицу (277-й годъ, а не 258-й и никакой другой) я схожусь съ большинствомъ ученыхъ, къ которому присоединился теперь и Э. Швартцъ, но попытаюсь обосновать эту дату и нѣкоторыми новыми аргументами. Напр. я не знаю, обратилъ ли кто, кромѣ меня, вниманіе на тотъ фактъ, что на 277-й годъ приходится 1-й годъ александрійскаго 28-лѣтняго круга солнца. Давно еще, въ 1901 году, обратилъ я вниманіе на даты по разнымъ эрамъ, въ томъ числѣ и лаодикійской, въ латинскомъ іеронимовомъ переводѣ хроники Евсевія подъ 2-мъ годомъ царствованія Проба и сдѣлалъ выводъ, что эти даты относятся не къ появленію манихейства, а къ замѣткѣ объ Анатолии лаодикійскомъ и отмѣчаютъ начало его пасхальной таблицы, изъ которой и заимствованы. И только при печатаніи своей статьи я узналъ, что этотъ же выводъ сдѣлалъ въ 1909 г. и Швартцъ, раньше относившій начало таблицы Анатолія къ 258 году. Но Швартцъ и тогда не замѣтилъ того, что замѣтилъ и я уже при корректурѣ своей статьи,—что, начавъ свой циклъ съ 324 года лаодикійской эры, т. е. съ 1 года ея 18-го 19-лѣтія, Анатолій въ сущности приурочилъ начало своего 19-лѣтняго цикла къ началу лаодикійской эры, что его циклъ есть циклъ лаодикійскій, и слѣдовательно и свое сочиненіе о пасхѣ онъ писалъ несомнѣнно уже въ Лаодикии, а не въ Александріи.

Изъ 5-ти приложенийъ моей книги, если судить по ихъ заглавіямъ, только одно послѣднее [Д „19-лѣтній циклъ псевдо-Анатолія“] имѣетъ хотя косвенное отношеніе къ Анатолію. Въ дѣйствительности же самое большое приложение [А „Емволимическіе годы въ циклахъ Метона и Калиппа“] не напрасно поставлено мною на 1-е мѣсто. Въ дѣйствительности же оно настолько тѣсно связано съ вопросомъ объ устройствѣ цикла Анатолія, что я могъ бы помѣстить его—въ видѣ особой главы—въ самой статьѣ. Изобрѣтателемъ 19-лѣтняго луннаго цикла у грековъ былъ Метонъ, а Калиппъ придавъ ему ту форму, какую онъ имѣетъ въ христіанскихъ пасхальныхъ циклахъ. Вопросъ объ отношеніи цикла Анатолія къ цикламъ Метона и Калиппа напрашивается поэтому самъ собою. Далѣе: самымъ вѣскимъ аргументомъ за правильность своей реконструкціи цикла Анатолія я считаю тотъ фактъ, что этотъ циклъ получилъ у меня совершенно то же устройство, какъ и александрійскій 19-лѣтній и сирійскій лунный циклы: и онъ распадается на огдоаду и ендекаду, емволимическими годами и въ немъ являются 3. 6. 8. 11. 14. 17 и 19 годы. А въ приложеніи А я доказываю, что такое же устройство имѣлъ и 19-лѣтній циклъ самого Метона. Приложенія Б, В и Г имѣютъ, конечно, характеръ большихъ примѣчаній, случайныхъ экскурсовъ.

Скажу теперь нѣсколько словъ и о самомъ Анатоліи лаодикійскомъ. Анатолій—одинъ изъ тѣхъ многихъ древне-христіанскихъ писателей, всѣми свѣдѣніями о которыхъ мы обязаны Евсеію кесарійскому. Но, тогда какъ о большинствѣ этихъ писателей, сочиненія которыхъ хранились, очевидно, въ кесарійской бібліотекѣ, Евсеію сообщаетъ одни только имена и заглавія или содержаніе сочиненій, объ Анатоліи онъ говоритъ нѣсколько болѣе подробно: даетъ кое-какія свѣдѣнія и объ его жизни и приводитъ отрывокъ изъ его сочиненія о пасхѣ, по которому я и пытаюсь восстановить его циклъ.

Какъ и его предшественникъ по лаодикійской кафедрѣ Евсеію¹⁾, Анатолій былъ родомъ александріецъ²⁾. При Діо-

¹⁾ Euseb. h. e. VII, 32, 3.

²⁾ Eus. VII, 32, 6.

нисии александрійскою (247—† 9 марта 265 г. ¹⁾). Евсевій былъ діакономъ ²⁾: Анатолій, хотя тоже былъ христіанинъ, не имѣлъ однако, повидимому, никакой іерархической степени. Но онъ былъ человѣкъ, по своему времени, высоко образованный, и александрійцы очень цѣнили его: просили его открыть въ Александріи школу аристотелевской философіи ³⁾ и избрали его членомъ своего городского совѣта (*βουλή*) ⁴⁾. Въ 262—263 гг. ⁵⁾ Александрія подпала подъ власть узурпатора Эмилиана. Эмилианъ правилъ Александріей, повидимому, не слишкомъ короткое время, можетъ быть года полтора; но въ концѣ концовъ, въ 263—4 гг., эта узурпація привела къ осадѣ главной, греческой (сѣверо-восточной) части Александріи Пирухіона (*Πιρούχιον* у Евсевія) или Врухіона римскими войсками. Въ числѣ осажденныхъ былъ и Анатолій, тогда какъ Евсевій находился въ неосажденной части города и былъ очень уважаемъ римскимъ полководцемъ (Θεодотомъ). Это было при императорѣ Галлиенѣ, который, какъ извѣстно, изъ всѣхъ римскихъ государей, былъ самымъ благосклоннымъ въ отношеніи къ христіанамъ. Легко понять, что симпатіи Анатолія были на сторонѣ римлянъ. Осажденнымъ угрожало уже голодъ: у нихъ не хватало пшеницы. Анатолій, желая спасти большую часть осажденныхъ, въ особенности же христіанъ, отъ неминуемой гибели, сообщилъ объ ихъ положеніи Евсевію. Евсевій просилъ полководца дать свободу (*σωτηρίαν*) перебѣжчикамъ отъ непріятеля и, получивъ на это его согласіе, извѣстилъ объ этомъ Анатолія. Анатолій созвалъ городской совѣтъ и предложилъ сначала примириться съ римлянами, а когда это его предложеніе вызвало негодованіе, выступилъ съ другимъ предложеніемъ: отпустить изъ осажденного города всѣхъ бесполезныхъ для борьбы съ осаждающими войсками людей: стариковъ, дѣтей, больныхъ и увѣчныхъ. Это предложеніе

¹⁾ В. В. Болотовъ. Изъ исторіи церкви сире-персидской, Эскурсъ I, стр. 118 [==Хр. Чт. 1900, I, 446].

²⁾ Eus. h. e. VII, 11, 21.

³⁾ Eus. VII, 32, 6.

⁴⁾ Eus. VII, 32, 7.

⁵⁾ А. в. Gutschmid, Kleine Schriften hrsg. v. F. Rühl B. II, Lpz. 1890 S. 215. Что у Евсевія идетъ рѣчь объ этой осадѣ, признаетъ и Harnack, Chronologie, II, 76.

было, конечно, принято совѣтомъ. Вслѣдъ за тѣмъ ночью вмѣстѣ съ стариками и дѣтьми вышли изъ осажденной части города переодѣтыми въ женскую одежду чуть ли не всѣ осажденные и прежде всего христіане и перешли къ римскимъ войскамъ, гдѣ ихъ встрѣтилъ и позаботился объ нихъ Евсевій ¹⁾.

Былъ ли въ числѣ этихъ перебежчиковъ и самъ Анатолій, изъ словъ Евсевія не видно. Вскорѣ по окончаніи этой осады и Евсевій и Анатолій удалились изъ Александріи. Евсевій былъ посланъ Діонисіемъ на антiохійскій соборъ противъ Павла самотатскаго и не возвратился въ Александрію: его оставили въ Сиріи занять епископскую кафедру въ Лаодикии, освободившуюся послѣ кончины епископа Сократа ²⁾.

Анатолій удалился въ Палестину, гдѣ епископъ кесарійскій Θεотектъ рукоположилъ его въ епископы, имѣя въ виду оставить его въ Кесаріи своимъ преемникомъ. Но ему пришлось вскорѣ занять кафедру своего умершаго друга Евсевія лаодикійскаго. Анатолій былъ, такимъ образомъ, несостоявшимся предшественникомъ по кафедрѣ Евсевія кесарійскаго, и слѣдовательно свѣдѣнія о немъ Евсевій могъ почерпнуть изъ источника первостепенной важности. Понятенъ отсюда также и особый интересъ Евсевія къ Анатолію.

Епископомъ лаодикійскимъ Анатолій былъ, повидимому, довольно долго. По Іерониму онъ процвѣталъ, floruit, при Пробѣ и Карѣ, sub Probo et Caro. Каръ, предшественникъ Діоклитіана, занималъ римскій престолъ между 282—284 гг. На эти годы, если сообщеніе Іеронима точно, и падаетъ кончина Анатолія. Его преемникъ по кафедрѣ былъ Стефанъ, человекъ тоже хорошо образованный, но отрешившійся отъ вѣры во время гоненія Діоклитіана ³⁾. А преемникомъ этого Стефана былъ уже Θεодотъ, извѣстный сторонникъ Арія и другъ Евсевія кесарійскаго, вмѣстѣ съ нимъ и Наркиссомъ нероніадскимъ отлученный на антiохійскомъ соборѣ 324 года. Вотъ и все, что мы знаемъ о жизни Анатолія лаодикійскаго. Никакихъ фактовъ изъ времени его епископскаго правленія въ Лаодикии Евсевій не сообщаетъ.

¹⁾ Euseb. h. e. VII, 32, 7—11.

²⁾ Eus. VII, 32, 5.

³⁾ Eus. h. e. VII, 32, 32.

Скудость извѣстій не говоритъ, однако, о томъ, что Анатолий былъ личностью незначительной. Напротивъ и самый отзывъ о немъ Евсевія кесарійскаго, какъ о „добромъ“ преемникѣ „добраго“ Евсевія лаодикійскаго, и все, что сообщаетъ онъ о немъ, говоритъ за то, что Анатолий былъ личностью, дѣйствительно выдающеюся. Лаодикійцы не избрали бы себѣ въ пастыри пришельца, если бы онъ былъ человѣкомъ заураднымъ, и Феотекнъ кесарійскій не намѣтилъ бы его своимъ преемникомъ. Его описанный Евсевіемъ поступокъ во время осады Пирухіона представляетъ собою, конечно, до извѣстной степени „благочестивый обманъ“; но эта хитрость была имъ допущена для спасенія многихъ, и именно объ этомъ его поступкѣ александрійскіе христіане и воспоминали съ особою благодарностію, почему описаніе его и нашло себѣ мѣсто на страницахъ церковной исторіи Евсевія. Не придумай Анатолий этой хитрости, большая часть александрійскихъ христіанъ погибла бы во время этой осады. Свѣдѣнія Анатолія въ астрономіи, быть можетъ, и не были очень глубоки; но во всякомъ случаѣ онъ въ этомъ отношеніи представлялъ собою совершенно исключительное явленіе въ христіанской церкви. Его 19-лѣтній циклъ не былъ принятъ всѣми церквами въ качествѣ основы для вычисленія пасхи; его замѣнилъ другой 19-лѣтній циклъ, изобрѣтенный послѣ 284 года кѣмъ-то въ самой Александріи. Но защищаемый имъ принципъ: пасха послѣ весенняго равноденствія, лежитъ и въ основѣ этого александрійскаго цикла и одобренъ никейскимъ соборомъ. Не особенно удивительно поэтому, что, когда въ Британніи возникла—съ VI вѣка—борьба древне-британской (т.е. древне-римской) пасхалии съ тогдашней римской (т.е. александрійской) пасхалией, то представители старой пасхалии воспользовались именемъ Анатолія и сфабриковали въ защиту ея подложный *Liber Anatholi de ratione paschae*.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить глубокую благодарность Преосвященному Ректору и всему Совѣту Академіи, выхлопотавшимъ для меня разрѣшеніе защищать свою диссертацию безъ новыхъ устныхъ испытаній, а въ частности о Инспектору Академіи Архимандриту Иларіону и профессору Сергѣю Ивановичу Соболевскому, принявшимъ на себя трудъ чтенія моей книги и составленія объ ней отзывовъ. Кромѣ того я

долженъ высказать и заочную благодарность профессорамъ Петроградской Духовной Академіи Н. Н. Глубоковскому и А. И. Бриллиантову, снабжавшимъ меня книгами, необходимыми для моихъ работъ, и извѣщавшими о выходѣ новыхъ изслѣдованій и статей, имѣющихъ интересъ для моихъ занятій, и профессорамъ Петроградскаго Университета В. Н. Бенешевичу, которому я обязанъ самой возможностью видѣть свои произведенія въ печати, и Б. А. Тураеву, приславшему мнѣ фотографическіе снимки съ одной эіопской рукописи пасхалистическаго содержанія, которою я пользуюсь отчасти и въ настоящемъ изслѣдованіи, и эіопскія грамматику и словарь, давшія мнѣ возможность ознакомиться съ элементами эіопскаго языка.

Свящ. Д. *Лебедевъ.*
